

Мужчина опустил Тан Шуми на кровать. Она не успела ничего сказать, как темная фигура наклонилась, закрывая ее. Девушка даже не заметила, как исчезла шелковая ночная рубашка на бретельках. Холодный воздух из кондиционера обдувал обнаженную грудь.

— Шуми, ты плохо себя ведешь.

Цзи Линьчэнь прижался к ней всем телом, кусая за ухо. Его голос был беспокойным и хриплым.

Видел он или нет, она всегда играла.

— Я...

Сердце Шуми мгновенно сжалось от внезапного укуса, слова застряли у нее в горле. В тусклом свете ночи Тан Шуми смогла лишь смутно разглядеть глубокие, резкие контуры его лица.

С самого начала Цзи Линьчэнь знал о том, что она двуличная. Его невеста говорила одно, но действовала по-другому. Но он позволял ей это до тех пор, пока она не переходила черту.

Все произошло так неожиданно, что она могла только тупо смотреть на него.

В день их помолвки они договорились не исполнять супружеский долг. Но в первую же ночь они необъяснимым образом разделили кровать. Тем самым решение было аннулировано.

За окном постепенно сгущалась ночь. Лунный свет пробивался сквозь стекло, заливая лицо Шуми. Она закрыла лицо одной рукой. По телу прошла дрожь. Раздались тихие всхлипы и стоны.

Цзи Линьчэнь наклонился к ее уху, понизил голос и спросил:

— Притворяемся?

Тан Шуми дико замотала головой, рыдая еще громче. Она громко кричала, не зная, сколько времени это длилось. Плача, она снова и снова умоляла его о пощаде, пока Цзи Линьчэнь наконец не отпустил ее.

После того, как все это закончилось, казалось, что вся сила в теле Тан Шуми иссякла, она была будто парализована. И в итоге это все еще был Цзи Линьчэнь, который отнес ее на руках в ванную, чтобы сполоснуться.

Была половина девятого утра. Тан Шуми проснулась от светящего в лицо солнца. Она хотела

перевернуться, но обнаружила, что все ее тело болит. Кажется, прошлой ночью Цзи Линьчэнь сошел с ума, желая ее снова и снова, как бы она ни молила о пощаде.

Шуми взглянула на спящего мужчину рядом с собой. Она и не думала, что он мог так долго терпеть. Если тщательно подсчитать, прошло уже больше полугода.

Предпосылкой было то, что Цзи Линьчэнь не касался других женщин.

Думая об этом, Тан Шуми внезапно почувствовала легкую тошноту, если бы Цзи Линьчэнь взвалил все на нее...

«Невозможно», — утешила себя Тан Шуми.

Цзи Линьчэнь не был похотливым, его сердце и душа были преданы семье Цзи. Он был слишком занят. У него не было времени заниматься этим с другими женщинами.

Погодите, не похотливый?

Тан Шуми снова посмотрела направо, вспоминая всевозможные неловкие сцены из прошлой ночи, но она решила больше не думать о Цзи Линьчэне как о человеке, который не испытывает похоти.

Она закрыла лицо руками, в голове у нее все смешалось. Теперь же она была смущена и вела себя странно.

После нескольких минут самоутешения Тан Шуми начала думать, как долго он пробудет здесь до своего возвращения на этот раз?

С тех пор как два года назад Цзи Линьчэнь сосредоточил все свое внимание на европейском рынке, каждый раз, когда он возвращался домой, он уезжал обратно в течение недели.

Она надеялась, что он уйдет рано, в лучшем случае завтра.

Ей не хотелось встречаться с незнакомцем, которого она называла своим женихом.

Думая об этом снова и снова, Тан Шуми решила пойти и спросить Сюй Минчжу.

Семья Сюй и семья Цзи всегда связывались друг с другом по делам, а старший брат Сюй Минчжу, Сюй Минчэн, был нынешним главой семьи Сюй. Спрашивать Сюй Минчжу было бы равносильно спрашивать Сюй Минчэна.

Прежде чем спросить, Тан Шуми сначала использовала акт дезертирства Сюй Минчжу прошлой ночью, чтобы немного оскорбить ее.

Сюй Минчжу очень быстро ответила на голосовое сообщение.

Неловкое зрелище прошлой ночью было действительно слишком интенсивным. Тан Шуми убавила громкость и плотно прижала телефон к уху, чтобы шум не разбудил мужчину рядом.

— Шуми, говорю тебе, я обиделась! Рано утром, в час ночи на рассвете, ты достаешь меня, где ты нашла всю эту энергию? Босс твоей семьи Цзи, он что, фригидный или сексуально импотентный? И еще! Откуда мне знать, когда босс Цзи уедет? Ты говоришь, что я малодушна, тогда чего же ты боишься? Если ты хочешь знать, когда он вернется, то возьми и спроси его сама! О, боже мой! Ты действительно меня так злишь!

Голос Сюй Минчжу действительно очень громко звучал в телефоне...!

В результате просторности спальни ее голос был усилен до такой степени, что раздавалось эхо, и она говорила с ней очень громко.

Тан Шуми на мгновение растерялась, потом повернулась направо.

Два глубоких черных глаза, нависшие над ней, вторглись в ее поле зрения.

Глаза Цзи Линьчэня были открыты, и он молча уставился на нее.

Комната площадью более тридцать квадратных метров погрузилась в мертвую тишину.

Тан Шуми напряглась, взяла телефон и медленно засунула его под подушку. Свернувшись калачиком, она натянула простыни на голову, повторяя вчерашний страусиный ритуал.

Внезапно Тан Шуми пришла в голову довольно жестокая мысль.

Было бы здорово, если бы Цзи Линьчэнь оглох...

Цзи Линьчэнь спал на левой стороне кровати. Он окинул взглядом скрюченную фигуру под тонким одеялом.

Вскоре после этого он приподнял левую сторону одеяла.

Тан Шуми лежала обнажённая, свернувшись калачиком, в стороне. Ее гладкие, стройные ноги были сплетены вместе, обе руки закрывали лицо.

Как будто она не могла выносить света.

Цзи Линьчэнь не возражал против ее постоянного страусинового характера, глядя на ее худую спину, он сказал:

— Наша экспансия на европейский рынок почти завершена, группа планирует перенести наше внимание обратно на нашу страну, в настоящее время я не уеду.

«...» Тан Шуми: «Конечно же, он слышал!»

Однако — подождите!

— Ты не уедешь?! — Тан Шуми резко подняла голову, звук ее голоса едва затих, прежде чем она осознала свой странный тон и тихо вернулась под простыни.

Цзи Линьчэнь равнодушно взглянул на нее, не ответив, встал с кровати и направился прямо в ванную.

Тан Шуми напряженно прислушивалась, пока из ванной не донесся звук щетки и воды.

Затем она глубоко вздохнула, кусая губы и хмурясь.

Все ее существо, казалось, находилось в невыразимом состоянии страдания.

Как только группа вернется домой, Цзи Линьчэнь не сможет долго оставаться в Европе. Более того, расслабляющая жизнь «брошенной женщины», к которой она давно привыкла, тоже закончится.

Тан Шуми уныло издала звук «ах», а затем засунула всю голову под подушку.

Цзи Линьчэнь вышел из ванной и, встретившись с Шуми, все еще лежащей в постели, он был несколько недоволен:

— Приведи себя в порядок. Через некоторое время мы поедем обедать в Sihueyan.

— Хорошо, — она слабо ответила, повернулась и встала с кровати, направляясь в ванную, чтобы собраться.

Цзи Линьчэнь стоял перед большим зеркалом, поправляя галстук. Краем глаза он взглянул на плотно закрытую стеклянную дверь.

Слышно было только, как бежит вода. Гудение отсутствовало, казалось, она была в плохом настроении.

Помолвка с Тан Шуми была ожидаема. Однако отказ Тан Шуми, очевидно, был вне его контроля.

Цзи Линьчэнь застегнул манжеты, слегка нахмурившись.

С самого начала он всегда предпочитал решать все свои дела своими собственными руками, не терпя ни малейших ошибок.

В том числе и Тан Шуми.

— Как ты думаешь, которое мне надеть? — Тан Шуми вышла из гардеробной, держа в правой руке облегающее черное платье, а в левой — желтое шифоновое платье, явно мучаясь выбором между ними.

— Желтое, — Цзи Линьчэнь только мельком взглянул на него, ясно давая понять, что он имеет в виду.

Тан Шуми приложила черное платье к своему телу, надув губы:

— Я чувствую, что это выглядит лучше.

— Об этом не может быть и речи, — Цзи Линьчэнь ясно выразился, — бабушке не понравится.

Не ожидая услышать его замечания относительно физических качеств ее одежды, Тан Шуми самодовольно отпустила черное платье и вошла в гардероб, чтобы переодеться в светло-желтое платье.

Не прошло и мгновения, как изнутри донесся нарочито тихий голос:

— Цзи Линьчэнь, зайди на секунду.

Не услышав ответа, голос слегка повысился:

— Цзи Линьчэнь?